

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Елены Владимировны Желтовой на тему «Латинский морфосинтаксис в типологической перспективе: взаимодействие языковых измерений и динамика поверхностных структур», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по научной специальности 5.9.7. «Классическая, византийская и новогреческая филология»

Диссертация Е.В. Желтовой посвящена анализу данных латинского языка в терминах современной лингвистики. Несомненно, латинский язык является одним из наиболее изученных человеческих языков, и посвященная ему литература безгранична. Тем не менее, как это бывает в каждой частной лингвистике, обсуждение языковых фактов ориентируется на выработанный традицией понятийный аппарат, и многие аспекты изучаемых явлений могут ускользать от внимания наблюдателей. Для преодоления этой проблемы нужен свежий взгляд, более широкая перспектива, учитывающая как данные других языков, так и современные теоретические представления. Именно такой свежий взгляд и расширенную перспективу и предлагает Е.В. Желтова в своем исследовании. Она поставила задачу рассмотреть латинские данные в типологической перспективе, а также на основе функционально ориентированных теоретических подходов. Эта задача ею несомненно решается, что я и постараюсь показать в данном отзыве.

Исследование Е.В. Желтовой носит объемный, фундаментальный характер. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка сокращений и списка литературы. Кратко остановлюсь на содержании каждой из шести глав.

Глава 1 «Проблемы в описании латинской падежной системы» посвящена проблеме синкретизма падежных форм. Е.В. Желтова стремится найти объяснения наблюдаемым фактам и убедительно показывает, что случаи синкретизма не случайны, а являются результатом функциональных связей между теми или иными падежами. Полученная картина различается для субстантивной и прономинальной падежных подсистем. Особенно обращают на себя внимание замечания на с. 44–46 о функциях номинативных местоимений и о возможных причинах того факта, что у местоимений мн. числа номинатив совпадает с аккузативом. Е.В. Желтова связывает этот факт с частотностью *Accusativus cum Infinitivo* и других конструкций, где аккузативная составляющая кодирует субъект клаузы.

Глава 2 «Проблемы в описании системы латинских местоимений» направлена на анализ личных и возвратных местоимений. Что касается личных местоимений, Е.В. Желтова обнаруживает 20 дополнительных признаков из области персональности и уделяет особое внимание проблематике субморфов в местоимениях. Субморфный анализ релевантен и для личных флексий глагола, которые фактически являются морфологически связанными местоимениями. Например, [m] имеет смысл 'говорящий включен', а [s] – 'адресат включен' (с. 69). Значительно место уделяется явлению нейтрализации форм, поскольку нейтрализация, устраняя один функциональный признак, может создавать другой, также важный для языковой системы. В разделе о возвратных местоимениях Е.В. Желтова привлекает такие теоретические понятия, как «тема» и «фокус эмпатии», что представляет собой пример полезного применения типологического знания в анализе латыни.

В главе 3 «Проблемы в описании категорий рода и одушевленности» Е.В. Желтова рассматривает две эти категории, одна из которых является классической и много обсуждалась, а вторая фактически является скрытой и ранее недооценивалась применительно к латыни. Хотя латинский язык, как и индоевропейские языки в целом, не имеет прозрачных принципов отнесения существительных к тому или иному роду, тем не менее обнаруживаются отдельные функционально обоснованные зоны такого отнесения. Например, согласно Е.В. Желтовой, пары типа *rigus – rigum* ‘грушевое дерево – груша’ являются отголоском двучленной классификации по одушевленности, которую предлагал А. Мейе. Е.В. Желтова предлагает интересную шкалу склонений по степени одушевленности, что проливает свет на связь между классификацией имен и типами склонения, традиционно являющуюся либо закрытой, либо невнятной темой в лингвистике. В этой концепции самым одушевленным оказывается первое (женское) склонение. Е.В. Желтова рассматривает восемь категорий латинских существительных с точки зрения их поведения в отношении одушевленности. Используется такой диагностический критерий, как появление существительного в роли агентивного дополнения. Результаты этого анализа оказываются не полностью предсказуемыми; как формулирует автор, «в латинской грамматике, как в причудливой фантазии, текут одушевленные реки, населенные неодушевленными раками» (с. 148).

Глава 4 «Неноминативность и иерархия одушевленности в латинском языке: кумулятивность синтаксических структур» посвящена явлениям латинского языка, связанным с ролевой кодировкой. Обсуждаются довольно разнородные вопросы, такие как следы активно-стативной ролевой кодировки, функции датива и аблатива в связи с одушевленностью, иерархия при согласовании глагола с ассоциативной именной группой, предикативы в конструкции *Accusativus duplex*, которая рассматривается как каузативизация *Nominativus duplex* и др. Общий вывод состоит в том, что поверхностные синтаксические структуры являются результатом взаимодействия разных языковых измерений, а именно семантико-ролевого, дейктико-денотативного и прагматического.

В главе 5 «Актантная структура латинских трехвалентных глаголов: конкуренция парадигматических измерений» рассматривается взаимное расположение второго и третьего аргументов, то есть пациенса и реципиента. Нейтральный порядок, ранее обсуждавшийся в литературе – это «пациенс – реципиент». Выдвижение реципиента на первое место возможно в связи с различными факторами, связанными с иерархией одушевленности. Во второй части главы обсуждаются конструкции с «легкими» глаголами типа ‘делать’, в которых доминирует порядок «реципиент – пациенс», почти вдвое превышающий по частоте обратный порядок. Как и в предыдущей главе, обнаруживается конкуренция трех языковых измерений – семантико-ролевого, дейктико-денотативного и прагматического.

Глава 6 «Лингвистика *ad hominem*: субъективность в языке» является самой большой по объему и состоит из четырех разделов. В ней обсуждаются такие явления, как аномальные парадигмы будущего времени, функции конъюнктива, категории эвиденциальности и миративности. В целом эти явления Е.В. Желтова связывает с такими понятиями, как субъективность, интерсубъективность, эгоцентричность. Формы I лица ед. числа в парадигмах будущих времен и конъюнктива отличаются от других лиц, потому что в них говорящему придается статус наиболее важного участника речевого акта. Использование конъюнктива в зависимой клаузе может быть объяснено, если обратиться

к прагматическим факторам и типологическому фону; конъюнктив представляет собой маркер субъективности и интерсубъективности. Эвиденциальность представлена в латыни не в виде эксплицитной категории, а в виде стратегий выражения. Е.В. Желтова выделяет три стратегии выражения прямой эвиденциальности и, пять стратегий инференциальной эвиденциальности и пять стратегий передачи репортативной эвиденциальности. Миративность также является скрытой категорией и выражается посредством стратегий. Е.В. Желтова обнаружила пять миративных стратегий и показала, что миративные значения неожиданности и удивления могут быть выражены различными грамматическими средствами, в том числе конструкциями, наклонениями, частицами и союзами.

Перейду теперь к критическим замечаниям по тексту диссертации.

В районе с. 29 обсуждается различие между омонимией и синкретизмом – второе, в отличие от первого, рассматривается как системный фактор, а не случайность. Нужно было бы обсуждение того, как это различие распознать. Скорее всего, для этого необходим диахронический подход и использование италийского и общиндоевропейского фона. Во многих частях работы (например, в главе о роде) именно такой фон и используется, но в главе о падежном синкретизме этого не хватает. При обсуждении падежных форм не вполне понятно, чему противопоставляется синхронная система – некоему исходному состоянию языка, где все падежи различались однозначно? Или абстрактной схеме, которой никогда не было в реальности? Откуда берется синкретизм, и на каких этапах?

Схема 1.3 на с. 30. Хотелось бы понимать, что означают линии на этой схеме и на других подобных схемах. Видимо, в эти линии вкладывается существенный, но не очевидный смысл. Схемы также напоминают методику семантических карт, и эту связь было бы полезно отметить.

Как пишет автор, «все формальные оппозиции и нейтрализации находят функционально-семантические корреляции, и можно достаточно уверенно утверждать, что падежный синкретизм не случаен» (с. 34). Но почему все же синкретизм имеет место в определенных типах склонения? Этот вопрос остается недостаточно освещенным.

Признаки основных падежей на с. 35. Характер этих признаков несколько *ad hoc*

С. 38: «Это слияние могло быть основано на сходстве флексий Abl.Sg. и Loc.Sg. -e, которые, однако, имели разное происхождение [Sihler 1995: 285]» – про разное происхождение осталось не вполне ясно

С. 39-40: на поздних стадиях латыни раньше других исчезал аблатив.

Действительно, история латыни хорошо засвидетельствована, и диахронические факты хорошо бы поместить в центр рассмотрения.

С. 41-42: «различие двух генитивов нейтрализуется в парадигме ед. числа». Однако в таблице показано, как будет второго генетива в ед. числе нет. И вообще было бы нужно пояснить, в чем состоят особенности двух латинских генитивов.

С. 58. «формы дательного падежа *ему* (от *он*) и *ей* (от *она*) в беспредложном употреблении возможны только для одушевленных референтов, в то время как исходные формы именительного падежа используются также и для неодушевленных». Тут дело вообще не в местоимениях, а в том, могут ли неодушевленные референты занимать позицию в дательном падеже без предлога. Если не могут в целом (и нет такого существительного), то и местоимения в этой позиции не появятся. Русские глаголы,

управляющие дательным падежом и допускающие при неодушевленное дополнение, все же попадают, например «обрадоваться кому». *Я этому подарку очень обрадовался. Я ему обрадовался.* В диссертации в этом месте не вполне удачно приведен пример с внешним посессором, а не с дативом, идущим от глагольного управления.

С. 69. Субморфы в личных флексиях. Это интересно, но возникает вопрос – откуда взялась эта система? Это феномен латыни? италийских языков? индоевропейских языков? По-моему вне диахронической перспективы структурное обсуждение субморфов не слишком осмысленно.

С. 76. «субморфная нейтрализация, с помощью которой язык может нюансировать признаки и свойства, не выделяемые другими языковыми средствами». С этой формулировкой можно согласиться, но автор, по моему мнению, недооценивает проблематику языкового иконизма. Иконизм пробивается через исторически унаследованную произвольность знака на каждом шагу, в том числе в синтаксисе.

С. 100. Мне осталась неясна гипотеза о том, что «индоевропейские именные суффиксы произошли из местоимений, прежде всего, демонстративов». Какие суффиксы имеются в виду? Кроме того, флексии зависят от типа склонения, а не прямо от рода.

С. 151. Не совсем удачно определение ролевой кодировки в терминах синтаксических терминов – субъектов и объектов. В типологии давно утвердилась практика определять типы ролевой кодировки при помощи гиперролей или макроролей, например А, Р и S.

Раздел 4.2, особенно подраздел 4.2.3.2 – трудный для восприятия. Здесь такая густота специфических примеров, терминов и рассуждений, что разобраться оказывается проблематично.

Несколько общих замечаний. Я был несколько удивлен, что в работе не размечена долгота гласных. Такая разметка появляется лишь выборочно в некоторых местах, например на с. 41.

Несмотря на очень полный учет литературы, есть некоторые важные упущения. Например, в главе 2 было бы существенно учесть фундаментальную монографию А. Северской “Person”.

Было бы желательно остановиться на одном из альтернативных написаний – *genetivus* или *genitivus*. Также в работе имеется определенное количество опечаток.

Разумеется, все эти замечания ни в коей мере не умаляют уникальных достоинств диссертационной работы Е.В. Желтовой. Как ясно из вышеприведенного пересказа, Е.В. Желтова охватила в своей диссертации огромный спектр явлений латинского языка, простирающийся от фонетики до прагматики. Для того, чтобы поставить и выполнить такую задачу, необходима необычайная интеллектуальная смелость.

Материал латинского языка, хотя и широко известен, несомненно нуждается в типологическом осмыслении, и именно такое осмысление дано в диссертации. Латинский материал рассматривается в контексте других языков – древнегреческого, современных европейских языков, а также кавказских, африканских, австралийских и многих других.

Следует приветствовать установку Е.В. Желтовой на поиск функциональных объяснений для обсуждаемых языковых явлений. Такие объяснения, используемые в работе, включают в том числе когнитивные и социальные факторы, что абсолютно уместно и разумно. Древний письменный текст рассматривается как послание адресату, и это придает объяснениям экологически валидный, естественный характер, ибо создавался

этот древний текст в таком же коммуникативном контексте, что и тексты на живых языках. Интересно и необычно, что в отношении мертвого языка используются такие понятия, как интерессубъективность и эгоцентричность.

Особая сложность задач, поставленных диссертантом, связана с тем, что в случае мертвого языка мы имеем лишь тот материал, который имеем. Хотя корпус данных достаточно большой, но все же ограниченный. Несмотря на такие ограничения, автору удается подбирать минимальные пары, например сходные контексты для возвратного и указательного местоимений на с. 86. Работа изобилует конкретными корпусными эмпирическими исследования с количественными подсчетами, что придает предлагаемым обобщениям надежный характер.

Материал латинского языка является чрезвычайно освоенным. Несмотря на это, как во многих случаях подчеркивает Е.В. Желтова, прийти к окончательным интерпретациям оказывается невозможным, и предлагаемые обобщения остаются в той или иной мере гипотетическими. Этот результат поучителен для тех лингвистов, которые описывают малоисследованные языки. На данном примере мы видим неисчерпаемость и глубину языковой сложности, которую мы можем постичь лишь до какого-то предела.

В диссертации есть много интересных комментариев о происхождении научных понятий в античности, напр. о роде на с. 99. В работе активно используются исследования полузабытых классиков лингвистики XIX и XX веков, таких Бопп, Раск, Ельмслев, Мейе, Балли и др. Это важно, так как мы таким образом видим непосредственную континуальную связь между древней традицией и современной лингвистикой. В целом, в диссертации освоен огромный пласт литературы, не входящей в основную обойму современной типологически ориентированной лингвистики, и это также большой плюс.

Диссертация написана очень хорошей, ясной научной прозой. В каждом разделе (правда, кроме 4.1 и 4.2) имеются полезные резюме, помогающие читателю ориентироваться в этой объемной работе.

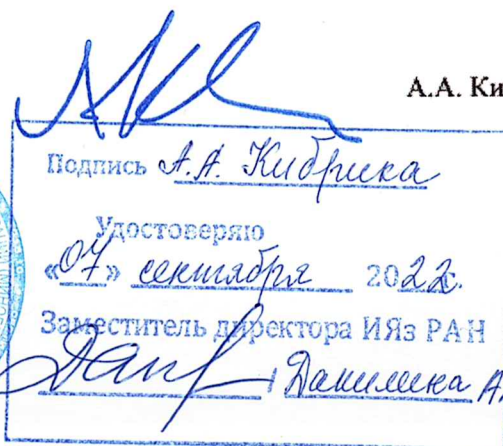
Подводя итоги, следует сказать, что принятый Е.В. Желтовой подход не только позволяет по-новому взглянуть на классические факты латинского языка, но и обогащает общую лингвистику и типологию оригинальными мыслями и результатами.

Диссертация Елены Владимировны Желтовой на тему: «Латинский морфосинтаксис в типологической перспективе: взаимодействие языковых измерений и динамика поверхностных структур» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Елена Владимировна Желтова заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по научной специальности 5.9.7. «Классическая, византийская и новогреческая филология». Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Член диссертационного совета

Доктор филологических наук, доцент,
директор Института языкознания РАН

7 сентября 2022 г.

А.А. Кибрик